

Рукопашный бой-101 (мастер-класс)

Александра Фуэнтес

В череду мастер-классов, покотившуюся с какого-то момента неожиданно бойко, Александру почти что впихнули пинком. Мол, все пашут, и ты не сачкуй, не роняй престиж, не подводи окружающих. Сандра резонно возразила, что пашут не все, а только самые активные упакиваются - но глобально по существу спорить ей было нечем. Надо было проводить занятия, пока ученики ещё на них шли и ими более-менее горели, нечего этот запал транжирить.

Для мастер-класса, конечно, требовалось как следует подумать, там всем рулила идея. У Александры идея была только откровенно невеликая. Сандра еще немного поразмыслила, отрезала от идеи совсем уж неудачные куски, чуть пообтесала оставшееся - и решила, что вот с таким проектом уже и в люди выходить не стыдно, и назначила занятие. Из реквизита ей требовались она сама да несколько широких лент, а из подготовки - только собственная голова. И вот с этим приятным легким набором Сандра и пришла на тренировочную площадку, сеять разумное, доброе (условно), полезное.

- Всем доброго дня и спасибо, что пришли, - начала Александра, когда все заинтересованные ученики подтянулись на площадку. - Сегодня мы с вами поработаем над базовыми стойками и сделаем несколько связок - но заниматься этим будем в не совсем привычной манере. Для начала я покажу вам по очереди все стойки, которыми мы будем пользоваться, а вы повторите за мной. Каждой стойке будет соответствовать счет, обязательно его запомните. Итак, счет номер один - наверняка хорошо знакомая вам поза всадника: ноги расставлены примерно на полторы ширины плеч, бедра параллельно земле, колени над носками. Руки при этом вы держите у пояса, ладонями вверх, кулаки сжаты. Номер два - стойка лучника с выпадом на правую ногу: правая нога впереди, носок над коленом, левая рука подтянута к груди, правая обозначает удар по воздуху. Номер три - точно такая же стойка лучника, но с выпадом на левую ногу. Соответственно, в ней все наоборот. - Александра диктовала и показывала одновременно, и на словах "номер два" и "номер три" она сменила стойку без лишнего хлопотания ногами, простым разворотом в нужную сторону, но умышленно не стала это подчеркивать, предоставив ученикам заметить этот нюанс самостоятельно. - Номер четыре - низкая стойка. Вы опускаетесь как можно ниже на правой ноге, как при приседании, а левую ногу при этом удерживаете прямой, отведенной в сторону. Стопы не отрываете от земли, спину стараетесь держать прямо. Корпус поворачиваете чуть влево, руки держите поднятыми перед грудью. Номер пять - аналогичная низкая стойка, только приседаете вы на левой ноге. Номер шесть - "пустая" стойка. Вес тела вы переносите на правую ногу, а носком левой ноги касаетесь земли перед собой, обозначая готовность шагнуть. Правая рука подтянута к груди, левая обозначает удар по воздуху. Номер семь - зеркальная "пустая" стойка, с весом тела на левой ноге. - Продолжая рассказывать, Александра все так же демонстративно делала минимум движений, стараясь обойтись для смены стойки поворотами и переносом веса тела там, где это только возможно, и потому обе вариации "пустой" стойки она по этому принципу и показала - повернувшись к ученикам сперва одним профилем, потом другим. - Номер восемь - "поднятое колено". Здесь говорящее название: вы поднимаете как можно выше левое колено, носок тянете вниз и чуть внутрь и удерживаете равновесие на выпрямленной правой ноге. Руки держите

подтянутыми к груди. Номер девять - аналогичная стойка с поднятым коленом, но в ней вы стоите уже на левой ноге. И по счету номер десять вы возвращаетесь в позу всадника.

Закончив демонстрацию, Александра поднялась из последней стойки и сообщила: - Ну, а с этого момента я больше ничего показывать не буду, а буду только считать. Связки вы будете делать самостоятельно, переходя из стойки в стойку по команде. А командой будет счет. Как только вы слышите номер - стараетесь как можно быстрее и точнее принять соответствующую ему стойку. Давайте потренируемся на простом примере, и заодно проверим, насколько хорошо вы все запомнили. Поехали! Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, - размеренно, неторопливо сосчитала Александра. Здесь она давала ученикам время привыкнуть к стойкам, постоять в них, освоиться с тем, как переходить из одной в другую, вспомнить, что прячется под каким номером, и в паузы между цифрами успевал бы прошествовать бегемот.

Закончив с первым, пристрелочным упражнением и напомнив особо забывчивым, что прячется под каким номером, Александра хлопнула в ладоши и сказала: - А теперь начнем самое интересное. С этого момента я буду считать *вразнобой* и постепенно ускоряться. Вам надо успевать ориентироваться в стойках и менять их, не отставая от счета. Все морально готовы? Тогда поехали. Один, пять, три, шесть, восемь. Десять, два, четыре, семь, девять. Четыре, два, три, пять, один. - После каждого пятого счета Александра делала небольшую паузу, давая возможность отстающим угнаться за теми, кто успевал, и не выпадать сразу, - и, за вычетом этих пауз, все время постепенно ускоряла отсчет, начиная диктовать цифры быстрее. Десятка в этом наборе была только для того, чтобы слегка сбивать и путать учеников, другой смысловой нагрузки она не несла, по сути дублируясь с единицей.

Шесть, три, шесть, три, семь.

Девять, два, один, десять, три.

Четыре, десять, пять, один, четыре.

Пять, два, восемь, три, один.

Семь, пять, два, один, девять.

Семь, четыре, семь, четыре, шесть.

Десять-три-один-три-десять.

Шесть-восемь-шесть-девять-два.

Восемь-три-десять-два-пять!

Шесть-четыре-три-два-один!

Под конец Александра, разогнавшись, диктовала уже примерно в темпе швейной машинки, оставляя ученикам лишь минимально необходимое время на смену стойки. Поспевать за ее счетом здесь уже можно было, только делая все четко, без ошибок, не задумываясь. Продиктовав последнюю комбинацию, Александра махнула рукой: - Объявляю перерыв. Выдохните. Подумайте о том, что было хорошо, а что плохо. Ошибались ли вы, и если да, то в чем и почему. И подготовьтесь к финальному рывку - если хотите в нем участвовать.

Для финальной части мастер-класса Александра раздала пожелавшим испытать себя заранее заготовленные ленты. И объяснила: - Правила прежние, только теперь упражнение вы делаете с завязанными глазами. Все внимание счету, стойкам и равновесию. Разойдитесь пошире, чтобы друг друга не задеть. - Она дождалась, когда все подготовятся, после чего скомандовала: - На старт - внимание - начинаем!

Один, шесть, четыре, три, десять.

Три, четыре, десять, пять, один.

Два, пять, шесть, четыре, три.

Один, семь, пять, два, один.

Пять-три-шесть-восемь-десять.

Два-четыре-семь-девять-четыре.

Шесть-восемь-шесть-девять-два.

Восемь-три-десять-два-пять.

Шесть-четыре-три-два-один.

В этот раз Александра считала так же: начав с медленного темпа, дала ученикам немного освоиться с новыми условиями, и постепенно взвинчивала скорость. Единственное что - в этот раз она не разгоняла скорость к последней комбинации так сильно, считая, что повязки на глазах и без того достаточно усложняют ученикам жизнь. Отсчитав последнюю связку, Александра объявила: - Закончили упражнение.

Стойки, которые показывает Сандра, можно посмотреть [здесь](#).

Мастер-класс продлится до 08.06, приглашаются все желающие с уровнем владения навыка не выше послушника.

Арабелла Валенсия Кортес

Когда был анонсирован мастер-класс по рукопашному бою вопрос "идти или не идти?" каталонка перед собой даже не ставила. Ответ был очевиден и непреложен - идти всенепременно. Во-первых, Арабелла всегда стремилась поддерживать себя в форме и тонусе, а рукопашный бой это в первую и главную очередь не о том, как наносить или принимать удары. Это о крепости тела и духа, как фундаментальной основы всего, на чем потом будет строиться любое боевое искусство. Ведь в конечном счете, если сил хватает только на то, чтобы раздавить таракана, грош цена тому сверх убийственному приему, с помощью которого это было сделано. Если это не особое противотараканье убую-дзюцу, конечно.

Основу своей рукопашной подготовки девушка получила еще в армии в рамках курса боевой подготовки, а по выходу на нестроевую службу активно поддерживала и углубляла полученные навыки, занимаясь муай-боран. Это искусство ей сразу понравилось своей утилитарностью и отсутствием излишней киношной вычурности. Да, можно было конечно "Онг Бак" вспомнить, но даже там, если выкинуть всю каскадерщину, прикладная часть была более чем солидная. Так что на мастер-класс Валенсия направлялась с твердой уверенностью, что будет физическая нагрузка, ударная техника и, если перепадет такое счастье, даже спарринги. На площадке для тренировок каталонка появилась в числе самых первых, сразу же вежливо поприветствовав мастера. С мастером Фуэнтес она была не знакома, но характерная фамилия недвусмысленно намекала, что мастер-класс будет вести ее землячка. Правда Кортес даже не догадывалась, что сейчас напротив нее стоит уроженка все той же солнечной Барселоны, что в масштабах монастыря было, скорее всего, совпадением с шансом один к миллиону, если не больше.

Чтобы потом не тратить время на нетривиальные неписанные истины, Валенсия практически сразу же приступила к разминке, разогревая мышцы и особое внимание уделяя растяжке. На не разогретые связки ни о какой нормальной рукопашке и думать было нечего: руки-ноги слушаться как положено не будут, скорость упадет до черепашьей, а в довершение можно еще и потянуть себя так, что потом в лазарет самой

будет не доползти. А доставлять кому-то сомнительную радость тащить ее на больничную койку на собственном горбу южанка не планировала. Так что пока на площадке собирались люди, девушка активно тратила время на подготовку к грядущему заданию. Правда, стоило занятию официально начаться и мастеру Фуэнтес взять слово, как каталонка быстро поняла, что не такого от занятия ожидала. Вместо ожидаемой южанкой "прикладухи" мастер объявила занятие по базовым стойкам, что сразу снизило шансы на что-то контактное примерно до уровня "не предусмотрено сценарием". Вторым нежданчиком (хотя тут еще как посмотреть, все же не стоило забывать, где все происходит) было то, что помянутые стойки были из шаолиньского кунг-фу. Тут стоит признаться, что ко всякому "летучему" руко- и ногомашеству Кортес относилась с очень суровой долей скепсиса. Почва для прохиндеев всех мастей и фасонов, паразитирующих на благодатной ниве "шаолиня" была не просто богатой, а едва ли не неисчерпаемой, отчего на ней буйным цветом цвела всякая шиза. И периодически затронутые этой шизой доверчивые люди или просто офисный планктон, купившийся на обещания непобедимости без необходимости поднять задницу из офисного кресла или с мягкого домашнего дивана нарывались на проблемы, уверовав во всю эту чепуху. После чего нещадно получали по организму от среднестатистических адептов кабацкой драки, теряли зубы, деньги, достоинство и прочие полезные и не очень вещи и либо завязывали с "боевым" насовсем, либо образумливались и переходили в стан адекватных практикующих.

Были, конечно, и настоящие, без дураков, мастера всех этих "летучих художеств", которые могли не только в кино или рекламных роликах наkostenять по организму так, что на бис не захочется. Но таких можно на пальцах одной руки сосчитать. Ставить компетенцию мастера Фуэнтес под сомнения Арабелла, разумеется, не стала. Она хоть и не производила первое впечатление боевой мадам, но шарлатанов в Линь Ян Шо не было, это каталонка знала достоверно. Равно как не стала каталонка и давать заднюю скорость, просто потому, что ее ожидания не совпали с тем, что ей в итоге было предложено. Так что с началом занятия южанка трудолюбиво и со всем должным вниманием следила и впитывала то, что демонстрировалось собравшимся.

Тут сразу всплыло несколько проблем. Первая и главная - стойки "шаолиня" для Арабеллы совершенно в диковинку. Она привыкла к одной, той, из которой в муай-боран росло практически все, так что хитрые заплетушки руками, низкие стойки и прочие "журавлики" были для нее темным лесом. И в этом темном лесу ей сейчас предстояло очень быстро научиться ориентироваться, иначе никакие дальнейшие задания мастера просто не имели для нее смысла ввиду очевидной невыполнимости. На зрительную память Валенсия никогда не жаловалась, да и в целом с рукопашкой была давно на дружеской ноте, так что пока все наглядно демонстрировалось, попугайничать за мастером Фуэнтес большой сложности не составило. Естественно, огрехи в позитуре ввиду своей тотальной новизны у девушки были, куда ж без них. Но, подметив некоторую схожесть показанного с японским карате, которое Арабелла осваивала еще в рядах испанский вооруженных сил, южанка решила действовать по принципу максимального приближения к уже знакомым ей вещам. "Всадник" подозрительно напоминал кибэ-дачи, "лучник" - дзенкуцу-дачи, а "пустая" стойка - неко аши, или "кошку". С "низкой стойкой" и "журавликом", правда прямых аналогий Валенсия вспомнить не смогла, так что просто постаралась запомнить их номера и позицию тела. "Журавлик" был условно окрещен "восьмеркой", а низкие стойки "четверкой" и "пятеркой" соответственно. В

такой системе координат разбираться стало гораздо проще, так что когда занятие перешло в фазу "я считаю, а вы двигаетесь" критических проблем с соблюдением и выполнением вроде как не случилось.

А потом мастер, что называется, сделала код конем. Мало того, что все то же самое предлагалось теперь выполнять вслепую, с этим мышечная память еще худо-бедно справилась бы, так еще и счет начался на повышение ритма и вразнобой. Естественно, что когда сложность для и без того непривычной к "шаолиню" Валенсии взлетела по экспоненте южанка быстро сбилась. Главным образом сбивал счет, в ритм которого Арабелла не укладывалась. Не укладывалась главным образом потому, что пыталась сознательно контролировать движения, мысленно прокручивая в голове, что "пять - это низкая левая, восемь - журавлик". И если сначала все более или менее получалось, то с ускорением ритма, когда мозг самой Арабеллы говорил "четыре" в воздухе голосом мастера Фуэнтес уже звучало - "три". Ну и тому подобное. Поняв, что так дело далеко не уедет, каталонка взяла краткую паузу, выбросила все лишнее из головы и положила исключительно на мышечную память. Глаза ей сейчас помощниками не были, разум тоже только мешал, а не помогал. Так что оставалось лишь положиться на уже имеющиеся навыки и рефлексы, которые должны были работать самостоятельно, не откликаясь на критику "сейчас не тот счет, ты не так делаешь" и прочее. Валенсия не бралась судить, как часто она попадала не в такт, но раз уж все работали "без глаз", то судить о том, насколько у нее все удалось хорошо или плохо оставалось только мастеру Фуэнтес.

Ломэхонгва

Драться Ломэхонгва почти совсем не умеет — и предполагает, что, может быть, она это зря. Что, может статься, попросту нелогично пытаться осваивать оружие, не разобравшись перед этим с собственным телом. Ломэхонгва думает, и думает, и думает — и кончает тем, что решает пойти на как раз объявленный мастер-класс по рукопашному бою. Хуже от этого ей уж точно не станет. Очень может быть, что станет лишь лучше.

Ведёт занятие мастер Фуэнтес. И Ломэхонгве нравится, как она это делает: подготовительная часть восхитительно, прозрачно понятна. Мастер надиктовывает стойки одну за другой, и сразу их все показывает, и можно сразу же повторять за ней, и мысленно считать до десяти, запоминая, что "четыре" — это пустая стойка с приседом на правую ногу, "три" — мощный лучник, развёрнутый влево, а "девять" — поднятое правое колено. Потом мастер Фуэнтес призывает всех попробовать вместе с ней, и показывает стойки ещё раз, так, что это выглядит менее разрозненно и больше похоже на одну неторопливую связку. И Ломэхонгва повторяет всё ещё раз, от номера один до номера десять, под размеренный счёт. Ей нравится. Да, нравится — пока это всё ощущается размеренно, понятно и даже приятно.

Но потом начинается настоящий мастер-класс — и сложности вместе с ним.

Ломэхонгва слегка теряет опору, когда мастер Фуэнтес перестаёт показывать и уже только называет стойки по номерам. Теперь индейке приходится полагаться только на собственную память, ну, и немного можно поглядывать на соседей — если, конечно, они тоже делают правильно.

Задание усложняется от минуты к минуте. Мастер Фуэнтес считает, меняя стойки, заставляя то перетекать с одной ноги на другую, то вскидываться вверх, в высокие стойки, то падать обратно к земле, в низкие, то разворачиваться всем телом направо или налево. И всё ускоряется, ускоряется, ускоряется — и Ломэхонгва отчаянно пытается ускоряться вместе с ней, не отставая. У неё всё меньше времени на то, чтобы переступить лишний раз, помогая себе поменять стойку, а в какой-то момент она едва не сбивается. В счёте мастера Фуэнтес коварно соседствуют единица и десятка, и Ломэхонгва машинально дёргается было поменять стойку, начинает подниматься вправо. Она быстро спохватывается, что делать ничего было не надо, спешит вернуться обратно, но теряет много времени на этих бестолковых телодвижениях, и уверенность в себе, и едва не теряет равновесие.

Она кое-как добирается до конца упражнения, чувствуя себя измотанной не столько физически, сколько морально. Мастер Фуэнтес объявляет небольшую передышку, а следом за ней — вторую, более сложную часть упражнения, и раздаёт повязки на глаза.

У Ломэхонгвы нет ни крупицы уверенности в том, что у неё есть шанс справиться. Но не попробовать она не может.

Под темнотой повязки она ощущает себя стоящей ещё более шатко. И уже нет возможности поглядывать по сторонам, остаётся только командующий голос мастера Фуэнтес и стойки, на которых нужно сосредоточиться, и Ломэхонгва старается всё делать правильно, успевать за нарастающим счётом — а он всё беспощаднее и беспощаднее.

Звучит "два" — и Ломэхонгва разворачивается направо, в позу лучника, стараясь не потерять равновесие на резком повороте, а следом уже нагоняет "восемь", и нужно вставать, высоко вскидывая колено, и пока Ломэхонгва тянется туда, уже щёлкает командное "три", приказывая снова стать лучником, только теперь смотрящим влево, и где-то в этот момент индеанка всё-таки оступается, запутавшись и в ногах, и в подгоняющем её счёте.

Она больно ударяется коленом о землю, подставляет ладони, чтобы не клюнуть в ту же землю ещё и носом — но эта боль кажется мелочью по сравнению с нахлынувшим огромным разочарованием. Она же справлялась! И вот так глупо сбиться! Уже под самый конец — мастер Фуэнтес заканчивает считать после этого очень быстро, настолько, что там даже нет окна, чтобы встать и попытаться присоединиться к остальным ученикам на финальном рывке. И раздосадованная Ломэхонгва с размаху бьёт кулаком по земле — ей очень, очень обидно и больно сорваться вот так.

Анастасия Полякова

Насте не хватало физической активности. Ни одна из изучаемых ею дисциплин такого и не предполагала. Даже стихийная магия, которая у нее почти на нуле, особых движений не требовала. Так и получалось, что девушка почти все время где-то просиживала штаны: у себя в комнате — разбирая травы, в библиотеке — изучая медицинские справочники, даже в Саду Четырех Стихий (очень редко, нет смысла врать) — тренируя базовые "заклинания" магии Воздуха. Это, конечно, далеко не повод влезать в рукопашный бой. Настя вообще не фанат всего, что предполагает человека калечить. И тут можно очень долго спорить, что все зависит от человека,

что самооборона вовсе не обязательно требует кого-то калечить (но даже просто ранить человека девушке не хотелось) и т.д. и т.п. Ну вот не ее это. Она и на все занятия по колюще-режущему, когда тех было на любой вкус и цвет, не ходила, только на одну единственную лекцию. Но то лекция, не практика, и там даже не про способы конкретно кого-то ранить, а по историю рассказывали.

Настя человек такой, что скорее себе нготь сломает, чем кому-то челюсть, что, наверное, не так уж много говорит о ее моральных качествах, как ей хотелось бы. И все же в оружие и бои она для себя решила не лезть. Правда, кто-то где-то сболтнул, что на мастер-классе никого бить не будут, и девушке этого хватило, чтобы немножко изменить точку зрения. И заявиться на этот самый мастер-класс.

Народу было немного. Хорошо это или плохо, решит только время, а пока лучше было сосредоточиться на занятии. Уже через несколько минут Настя для себя решила, что ее настрой тут очень удачно подошёл: в том смысле, что драться бы ей не хотелось. Стойки сами по себе оказались довольно простыми, а плавное перетекание из одной в другую напоминало движения танца. Именно так Настя и решила относиться к происходящему: как к лёгкому, ненапряжному занятию танцами. Скорее даже — тем занятиям в школьной секции, которых она посетила всего несколько, где им в качестве небольшой тренировки показывали отрывки из динамичных танцев, они это запоминали и затем под музыку, каждый раз все быстрее, меняя места и позиции, повторяли. Это всегда Насте нравилось, даже если у нее не всегда получалось хорошо.

Настя резво переходила из одной стойки в другую, стараясь, конечно, не ошибаться, но если путала что, даже не расстраивалась. Ей просто было очень весело. Самыми проблемными оказались стойки с шестой по девятую: не потому что Настя их не запомнила, а потому что все они требовали либо полностью одну ногу от земли оторвать, либо второй ногой на землю опираться только носком. Учитывая обычные проблемы девушки с равновесием, тут она почти каждый раз опасно покачивалась, рискуя втемяшиться в землю носом, но в последний момент какая-то неведомая сила уберегала ее от столь незавидной судьбы.

Когда номера стоек пошли вразнобой, стало потруднее. Очевидно было, что сифу в некоторых моментах пытается сбить их всех с толку. Настя тихо рассмеялась, услышав последовательность "один-десять", ведь оба числа обозначали одну и ту же позицию — позу всадника. Им надо было просто один момент не двигаться, немного нарушив привычный ритм. Ей отчего-то стало ещё веселее. Конечно, поддерживать такой темп, который все продолжал ускоряться, у Насти не вышло. Она не так хорошо помнила стойки, чтобы влёт выполнять их в разном порядке. На перерыв девушка ушла с отчетливо сбившимся дыханием и вся в поту. С лёгким любопытством она взглянула было на своих товарищей по занятию, но ей куда больше хотелось просто подышать. И помыться, но с последним придется обождать.

На финальном этапе Настя на мгновение запнулась. У нее и так с равновесием не очень, а уж с закрытыми глазами она и вовсе тут сама себя закончит. Девушка быстро погнала эти мысли прочь: ну заработает пару синяков, ну ссадину или две, так что с того? Она врачеватель, на раз-два себе все залечит, не проблема. С такими мыслями Настя завязала повязку на глаза, убедившись предварительно, что

стоит достаточно далеко от всех, дабы не отправить на встречу с землёй своих коллег по мастер-классу, когда ее в очередной раз куда-то в сторону занесет.

Происходящее напоминало те случаи, когда ей посреди ночи надо было в туалет или к холодильнику пройти из своей комнаты, а света не было. И вот идёт она, шарится в потёмках, пытается осторожно прощупывать дорогу вперёд, и ее непременно наклоняет куда-то в сторону и немного трясет, не от страха, а просто от того, что она не видит вообще, куда ногами своими наступает и на что, и ей даже опереться не на что, и ее тело становится какой-то слабо контролируемой лапшой. На мастер-классе получалось примерно так же.

Настя на успех и не рассчитывала, ей просто было интересно. А когда пропал страх заработать себе сломанный нос или ушибленное колено, девушка вновь развеселилась. Делать все подряд она не пыталась: просто занимала указанную стойку, отводя на это столько времени, сколько нужно, и переходила к той, которую мастер называла позже, пропуская по одной, двум, трем стойкам и не видя в этом ничего страшного. Это ведь не какое-то испытание или экзамен, нет нужды надрываться и огорчаться, когда дал маху, можно просто открыть для себя что-то новое и повеселиться.

Под конец занятия Настя отчётливо запыхалась, но на лице ее сияла широкая улыбка. А про себя она подумала, что если другие занятия по рукопашному бою будут такими же, она вовсе не против их посетить. Даже если риск сломанного носа резко возрастает.

Констанция Моро

Большим бойцом Констанция никогда не была. И маленьким — тоже. И вообще никаким не. И помирала всегда от одной только перспективы начать махать конечностями с неясными, но агрессивными целями. Но тут ее вдруг ни с того ни с сего ожгло интересом, и она подхватила ноги в руки, хвост в зубы и что там еще куда приличные люди брали при серьезных сборах, и ломанулась на как раз объявленный мастер-класс.

Позже она объясняла это самой себе тем, что доля у менестреля тяжелая и надо постоянно быть наготове. Мало ли, благодарные слушатели преисполнятся совсем не в том направлении и возжелают неаккуратно навтыкать исполнителю ногами по почкам. Или вообще потеряют берега и захотят совершить что-нибудь кощунственное и абсолютно неприличное с дорогой сердцу гитарой. Короче, готовой к обороне надо было быть.

Поначалу все казалось восхитительно легким. Даже всерьез рубить кулаками воздух или, тем более, ломать руки о макивару никто не просил. Сифу Фуэнтес показывала стойки, и явно занятие им и должно было быть посвящено, и пока ничего сложного в этом Констанция не видела. Ну, кроме позы всадника, в которой было тяжело держаться и в которую даже сажать себя получалось с оговорками. Сифу Фуэнтес показывала стойку с образцово-прямой спиной, а Констанции приходилось клониться вперед, чтобы удержать равновесие, и копчик у нее был явно где-то не на месте, а при попытке его подобрать девушку приподнимало вверх, так, что теперь не на месте были уже бедра. В общем, что-то там сильно сбивалось и быстрой

корректировке не подлежало. Придется переучиваться потом, а пока Констанция делала как делала. С остальными стойками проблем не было, и то, как сифу Фуэнтес их показывала, плавно перетекая из одной в другую, даже напоминало своеобразный танец.

Это потом мастер начала считать с ускорением, и резко стало тяжелее.

Констанцию в основном из раза в раз сбивала и напрягала поза всадника, которая ей давалась из рук вон плохо. Тем более что девушка каждый раз все-таки пыталась ее улучшить, сесть в нее пониже и попрямее, а выходило из этого только то, что ее начинало пошатывать. С закрытыми глазами ее, наверное, вообще бы заштормило до полного нестояния. Поэтому Констанция от финального рывка отказалась, ничуть не смущаясь тем, что оказалась в глубоком меньшинстве. Разминая и встряхивая ноги, уже слегка занывшие от постоянных повторений позы всадника, девушка разглядывала тем, как с повязками на глазах со сменой стоек сражаются остальными, и тихо радовалась за более умелых людей, у которых все так складно получалось. Сама Констанция так лихо бы не смогла. Ей до такого пыхтеть и пыхтеть.

Эжен Савиньяк

Рукопашный бой был той областью, где Эжен полагал, что у него недоработано. Что ему надо дорабатывать, доучиваться, дотягиваться. Собственно, именно потому он в Линь Ян Шо примерно в первую очередь напросился на занятие к мастеру Алексиу - формально, коллегами они пока не были, а даже если бы и были, называть строгую гречанку "Маджентой" все равно пока язык не поворачивался, - но заканчивать на этом однозначно не стоило, с одного занятия было сложно куда-то вменяемо вырасти. Поэтому и на последовавший вскоре мастер-класс уже от другой мастерицы Эжен тоже посчитал нужным вписаться. Практикой, в его понимании, дело было не испортить, чем больше дополнительных занятий, тем лучше. Только без фанатизма, конечно.

Уже в самом начале мастер-класса Эжен столкнулся с тем, что мастер Фуэнтес явно планировала давать практику из кунг-фу, тогда как сам Эжен в этом конкретно взятом боевом искусстве разбирался весьма условно. Однако он, не отлынивая, прилежно повторил за женщиной все стойки и постарался как можно точнее их запомнить - занятие есть занятие, наверняка и в такой форме из него можно будет извлечь пользу. А потом мастер дала вторую часть задания, и стало ясно: так вот же она, польза, это ведь в какой-то степени на координацию.

Тут, правда, основная борьба у Эжена шла не со скоростью, которую мастер Фуэнтес постепенно взвинчивала, а с самими стойками, которые требовалось не только правильно запомнить и как следует в голове уложить, но и вовремя из той головы достать под нужный номер. Меньше всего проблем было с позой всадника: это мастер Алексиу уже вдолбила в Эжена очень основательно, причем вдалбливала на разные лады, и нужно было очень постараться, чтобы ничего совсем не запомнить. С остальными стойками пока было сложнее - особенно с теми, которые требовали полностью переносить вес тела только на одну ногу и которыми мастер Фуэнтес жонглировала с какой-то особенной любовью, заставляя учеников метаться с ноги на ногу. Но постепенно получилось привыкнуть, приноровиться,

перестать пытаться свалиться в "пустую" стойку, когда счет требовал подняться в высокую стойку с поднятым коленом. Под конец Эжен совсем уж было втянулся, приноровился к сложности - и тут мастер эту сложность задрала, раздав повязки.

Эжен сказал себе, что это не должно быть намного тяжелее. Что это дополнительное усложнение на равновесие, только и всего, а в остальном наполнение упражнения ему знакомо. Вот только что же делал. Поэтому от возможности не участвовать в финальном этапе Эжен отказался, повязал на глаза выданную ему ленту и приготовился к очередному забегу по номерам.

Сложность взлетела даже не так сильно, как можно было ожидать. Эжен поневоле ожидал, что мастер Фуэнтес на этом последнем отрезке разойдется и начнет в какой-то момент диктовать со скоростью взбесившейся швейной машинки. Однако ничего подобного не произошло; наоборот, мастер даже чуть сбросила темп, щадя учеников. А потому Эжен, покачнувшись несколько раз на все тех же проблемных для него стойках, которые его до сих пор тянуло спутать по номерам, все же закончил без больших проблем и даже вовремя. Упражнение он оценил как непривычно-интересное, и потому, сдернув в конце повязку с глаз, первым делом с глубоким уважением поклонился мастеру Фуэнтес. И даже сделал себе небольшую зарубку на памяти: может быть, имело смысл позже попробовать пообщаться с женщиной, прикрываясь выражением "как коллега с коллегой", и постараться что-нибудь узнать, о той методичке, по которой она к занятию готовилась. Вот это точно было бы перспективно и полезно.

Николас Уайт

По мастер-классам Ник не ходок и никогда не был им. За всё время проживания в Храме он как-то всё больше на активностях вне занятий выделялся и иногда ещё Яном прикрывался как живым щитом. Мол, а что я, а вы не только на меня собак гончих спускайте, еще и Яну пусть достанется парочку. Хотя ему, коту, от собак вдвойне должно прилетать в среднем.

Ну а идею пойти или не пойти на мастер-класс они как обычно обсудили с Яном. Взвесили все плюсы и минусы, Ян уворачивался все больше, а Нику с каждым новым уворотом хотелось прийти и Яна с собой за шкуру притащить насильно. Просто так, за компанию. Ник хотя бы боксом занимался и бегал хорошо, на здоровье не жаловался, а Яну как будто физуха поперёк горла вставала. Ну пусть протряхнется, а то всё за магию свою держится как будто без неё жизни никакой не было. Ник тоже мог немного в магию, но только совсем чуть-чуть. Пока что его планы на жизнь здорово опережали его возможности, посему выходило пока очень скромное "чуть-чуть собак, чуть-чуть пиромант".

Убедить Яна прийти на мастер-класс было только половиной от общего дела, осталось ещё сделать так, чтобы он там не наплошал. Вывернет ногу-руку себе ещё, сядет случайно впервые в жизни на почти-шпагат, или просто упадёт без сил на землю. Гарантировать полную безопасность Ник своему другу не мог, он же не нянька ему и не старший на десять лет брат, но по мере возможностей поддержать или хотя бы показать примером попробует. Как-никак, а у него небольшое силовое преимущество имеется, хотя на тренировке перед мастером они будут плюс-минус равны.

Шебутной Ник, как и всегда бывало в таких случаях, и в этот раз не исключение, ждал, пока Ян поборет окончательно своё нежелание идти тренироваться в ущерб магическим потряхиванием всех чакр сверху вниз по очереди; а по дороге к тренировочной площадке, которая являлась своего рода плацдармом для физических упражнений, опять все уши прожужжал на тему как круто, что они идут вместе, и Ян не пожалеет об этом. Нет, скорее всего, у него будут ныть мышцы, да чего там - это и Ника не обойдёт ни в коем случае, - но после бокса всегда так бывало. Как и Ян, Ник не особо понимал, чем тибетцы воюют, какие у них удары и так далее, как-то у него всё шло по старинке. Хотя, может Ян блефовал и на самом деле владел каким-нибудь запретным видом кунг-фу? И положит сегодня своего друга на лопатки? Ну это уже вряд ли : мастер-классы как правило исключали возможность парной работы. Так что основной мотивацией парня было, наконец, посмотреть, что из себя представляет здесь боевка, чтобы в будущем была возможность тренироваться полноценно самому. Или же с тем же Яном отрабатывать удары, если зачем-то это понадобится.

Щёлкать клювом Нику сегодня не получится. Он и не собирался сачковать, гадая перед тренировкой, какие там будут стойки, сколько, будет ли отработка ударов и так далее. Может быть даже он не зря Яна тащит туда через силу и произойдёт чудо - парный мастер-класс? Тогда он точно не проклянет Ника за ноющее после активной тренировки тело.

Когда началось занятие, Ник сконцентрировался на мастере, забывая на время про существование других тренирующихся. Отметил, что здесь и мастера присутствовали - воон та брюнетка вроде бы учила работе с мечом. Сколько будет всего стоек мастер Фуэнтэс не сказала и Ник надеялся, что не больше десяти. А то может возникнуть путаница, он и с первого раза постарается всё запомнить, но как будет на деле - не ясно.

А вот и собственно стойки пошли. "Всеми знакомую" позу всадника англичанин видел впервые, но это не было проблемой в её освоении. Ноги чуть шире, чем на ширине плеч, носки аккуратно под коленями, а ладони в кулаках и смотрят вверх. Один - всадник.

Два - лучник. Ник пока не смотрел, как дела обстоят у Яна, пытаясь запомнить все стойки сам, а потом, в случае успеха, уже сможет поделиться "мудростью" с молодым любителем магии. Итак, лучник. Парень выдвинул правую ногу вперёд, сделал удар правой рукой по невидимому противнику и подтянул левую руку.

Три - обратный лучник - так для себя Ник решил описать обратную или зеркальную для этой стойки. Легко запомнить, учитывая, что они шли друг за другом. То есть два и три - лучники. Он поменял ноги и руки и повторил упражнение.

Четыре - приседания, но на одной ноге, в стиле всех боевых искусств, о которых Ник если что-то и знал, то из фильмов. Руки в блоке - как в боксе; парень стал приседать на правой ноге, сначала дергая левой. Присел не до конца. Развернул корпус чуть влево, как и левую стопу. Эта стойка посложнее предыдущих. Зато пятая снова обратная ей или зеркальная, пришлось опять приседать, но уже на левой ноге. "Пустые" стойки, как и "поднятое колено" не вызвали у парня никаких удивлений, а последняя, как оказалось, десятая, то есть мастер уложилась-таки в два по пять и если бы Ник загибался пальцы на каждой, он остановился ровно бы на двух "кулачках" - была зеркальной для первой.

То есть десять-один - всадник, два-три - лучник, четыре-пять "приседания", шесть-семь "пустая", восемь-девять "колени". Это он запомнил, что дальше?

А дальше, судя по всему, начиналось самое интересное. После отведённого мастером времени на повторение, за которое они все успели по одному разу пройти по всем стойкам, мастер Фуэнтес начала говорить вразнобой. Ник поначалу стал путаться между обычной и зеркальными стойками, перепутав пять и восемь. И во время выполнения этого упражнения ещё "догнал", что десять и один не зеркальные, а одинаковые стойки. После каждой цифры парень сначала себе говорил название стойки, а после уже вставал в неё. В десяти стойках, из которых всего пять уникальных, запутаться было сложно, хотя руки иногда тоже болтались как попало, особенно при переходе из неудобной стойки в удобную. Но там либо удар, либо блок, либо рука вниз.

"Пустая, лучник, пустая, лучник, пустая" - когда мастер Фуэнтес начинала постепенно ускоряться, повышая градус сложности упражнения, Ник старался уделять упражнению ещё больше своего внимания, он и так уже с руками пару раз залил, а на Яна пока стыдно было смотреть потому что роль более опытного товарища он пока отыгрывал не на "отлично".

"Присед-лучник-колени-лучник- всадник".

"Пустая-присед-лучник-всадник-всадник"

"Пустая-присед-пустая-присед-снова пустая".

Рассчет на то, чтобы запутать, это было очевидно. А дальше пошла уже совсем пулемётная очередь из цифр и Ник успевал стабильно только ноги менять, потому что им он при запоминании стоек уделял больше внимания, ведь руки и на боксе учили. В итоге прыгать из стойки в стойку получалось - хотя тоже не всегда, так как присед быстро неудобно было делать и из него выпрыгивать в условного всадника за секунду или быстрее было невозможно. Руки где-то были, где-то нет. Проанализировать пока это не представлялось возможным, потому что тупо было некогда.

Но мастер-таки сжалилась над ребятами и Ник смог, наконец, перевести дух и посмотреть, как дела обстояли у Яна. Разговаривать же никто не запрещал хотя бы во время перерыва.

- Ты как, успеваешь? - коротко оборонил он неподалёку стоящему Яну. - Я, вот, уже не очень.

И вернулся к отработке ударов. Поможет это или нет, он не знал наверняка, за одну тренировку редко, когда удавалось всё с нуля сделать правильным. Он ведь видит эти стойки впервые и Ян, возможно, тоже не очень был с ними в ладах. Сделав снова каждую стойку по отдельности, он заметил, что руки только в четырёх и им зеркальным стойкам стоят в неочевидных позициях, как в позе всадника - внизу, ладонями вверх. Две стойки - блок, как в боксе, - две с ударом рукой, совпадающей с ведущей ногой, а другой в блоке. И наоборот. Вот вроде бы сейчас он с этим разобрался, но при быстром счёте всё равно ж чего-нибудь намудрит, наверняка, хвост готов поставить.

А дальше шло задание со звёздочкой, да? Ник не чувствовал, что выложился на все

сто, потому был готов, а раз мастер сказала без повязок дальше - значит, без повязок. И самым опасным в данной ситуации было постоянно падать, потому что стойки с приседанием словно были созданы для этого. На "всаднике" даже можно было завалиться, если делать неряшливо. Ну, Ник с завязанными глазами, только что отработавший технику рук, всенепременно заваливался почти на всех "приседах", впопыхах исправляя себя, а позже вставая в новую стойку, так как связка всегда состояла из пяти стоек. А в конце под очередную пулемётную очередь из цифр Ник уже местами даже просто так координацию терял, потому что в темноте было и правда сложнее. Вслепую он никогда не боксировал. Но тем не менее ему понравилась эта большая и особенная тренировка, интересно, осталось ли там от Яна хоть какое-то, подающее признаки жизни, существо или он был убит вусмерть. Вряд ли бы он так старался. Когда тренировка закончилась, Ник поблагодарил мастера и терпеливо ожидал, пока Ян переведёт дух, чтобы обсудить тренировку с другом. Оставалось скрестить пальцы на том, что Ян не возненавидит "физику" ещё больше и не решит окончательно с ней завязать, восславляя до конца своих дней мистику и фокусы, ставля магию на три головы выше любых физических упражнений.

Ян Рей

Насчет самого себя и своей физической подготовки Ян никаких иллюзий не питал. Он был той еще рохлей и вафлей, а рядом с Ником и вовсе выглядел в какой-то степени смешно. И утешать себя тем, что он основные часы тренировок и очки умений вложил в магию, причем нормально так, полезно вложил, получалось слабо. Развитую магию на роже лица видно плохо. Тогда как по Нику его физическое развитие было видно прекрасно, без тени сомнения.

Ян отчетливо осознавал, что он в этом плане от товарища отстает, что его попытки как-то себя подтянуть в физическом плане пока преимущественно описывались выражением "курам на смех". И что незачем пытаться на фоне Ника махать крыльями и делать вид, что он тоже что-то такое, сопоставимое из себя представляет. Получится смешно, да и только. Но когда Ник притащил новость об объявленном мастер-классе по рукопашному бою и с большим энтузиазмом сообщил, что они щас оба туда как пойдут да как преисполнятся силушки богатырской, - Ян только обреченно побрыкался, но никуда не делся. А как бы он тут отказался? Сказал бы, мол, извини, дружище, но не хочу плохо выглядеть на твоём фоне? Да как это вообще можно ртом произнести? Ну вот Ян никак и не произнес. И ничего похожего на приличную отмазку тоже не придумал. Тем более, что по нему сразу было бы видно, что это отмазка, врать он умел плохо.

Но если взять себя в руки и дойти до мастер-класса Ян еще мог, это полностью находилось в его зоне ответственности, то вот насчет "не наплошать" он уже мало что мог Нику гарантировать. Зависело от того, как за них возьмутся на мастер-классе.

Взялись основательно. Аж в мозгу затрещало.

Со стойками у Яна был большой напряг. Сифу Сима, которая его когда-то учила, больше гоняла по таким, общефундаментальным вещам, даже в какой-то степени умозрительным. Из конкретных стоек она упирала только на позу всадника - вот в нее Ян мог присесть и эдак крепко, основательно посидеть какое-то время. Недолгое. Но загвоздка была в том, что никакого "крепкого, основательного сидения" сифу Фуэнтес не хотела. Наоборот, она хотела, чтобы ученики из тех стоек как можно быстрее вскакивали и скорее перетекали в следующую. Попробовав на

медленной скорости и в режиме тестового прогона, Ян понял, что это все... ну, сложно. Проблемки будут.

Ладно, как там сифу Сима ему говорила? Движение всем телом? Может, если воспринимать смену стоек как единое слитное движение, а не как раздельное "руки сюда, ноги туда, спину вот эдак", то попроще будет?

Поначалу Ян простоты не чувствовал. Он пыхтел и отставал, старался доделывать уж хотя бы то, что мог, и пару раз порывался спутать стойки, спохватываясь только благодаря тому, что все вокруг делали другое и явно не ошибались своим единодушным большинством. А потом с какого-то момента, где-то примерно во второй половине упражнения, когда стойки поосновательнее уложились в голове и перестали путаться между собой, действительно стало легче. От общего темпа Ян пока по-прежнему отставал, делая в той мере, в какой у него получалось, а не в той, в которой диктовала счет и хотела видеть упражнение сифу Фуэнтес. Прискорбно, но поделаться с этим пока ничего не получалось.

Передышка перед финальным упражнением пришлась очень кстати. Ян немного перевел дух, еще раз перебрал в голове все стойки, удостоверившись, что путаться в номерах он вроде как больше не собирается, и коротко признался Нику: - Не успеваю. - Что было чистой правдой, последние счета он делал хоть и гладенько, но с сильным отставанием, еще и накопившимся за время первых попыток разобраться.

От последнего задания, которое выполнять надо было с повязкой на глазах, насколько Ян заметил, отказалась только одна девушка. Она-то явно жизнерадостно улыбалась и особенно не расстраивалась по этому поводу, а вот Яну стоять поодаль и грустно куковать в откровенном меньшинстве не хотелось. Поэтому он подавил сопливенькое, трусливенькое желание тоже отказаться, взял ленту и вместе с ней принялся готовиться к финальной части мастер-класса.

Как ни странно, это оказалось не так сложно. Когда Яну было некуда прыгать глазами, он волей-неволей лучше сосредотачивался на том, что делает, с равновесием над ним мастер поработала еще когда, так что он колебался, но более-менее удерживался при смене стоек. Вот разве что от счета до сих пор отставал, подтормаживал, когда надо было соединить стойку и номер. Но в целом результат был терпимым. Каким-то униженным напроць он себя не чувствовал. И даже, сняв повязку, сунулся к сифу Фуэнтес, выяснять, а нельзя ли как-нибудь потренировать что-нибудь еще, но в более подробном режиме.

В общем, да. Как будто нормально пошло.

Хина Мотидзуки

Для молодой японской полукровки, более трёх лет прожившей в высокогорном тибетском монастыре на началах подсобного рабочего, дармового деревенского волонтера и осторожного библиотечного завсегдатая-самоучки - если дело так или иначе касалось магии, - организовано-дисциплинированный рабочий процесс обучения встал в большую новинку. Воля случая однажды привела девушку, бережно обнимающую миску горячих шапале и не думавшую в тот миг ни о чём кроме того, чтобы их с наслаждением употребить по назначению, на тренировочную площадку, в самый разгар формирования группы перед общим занятием - с того дня, как говорится, всё и завертелось. Черода групповых тренировок и мастер-классов, внезапно посыпавшихся точно из рога изобилия, дала дополнительный толчок к тому, чтобы сложившееся и прочно устаканившееся положение в корне изменить. Хидна очень не любит и никогда не торопится что-либо кардинально

переворачивать в своей жизни - но в данном случае исключение тихонько и ненавязчиво вклинилось в правило, уютно в нём устроилось, слившись воедино с привычным темпом жизни, и принялось старательно производить впечатление, что, мол, так и было всегда. Ничего необычного, мол, не обращайтесь внимания, проходите мимо. А что, плохо теперь, что ли?

Изредка - да. Стоит признать, случалось и такое, мимо чего хафу, имей возможность повернуть время вспять, была бы рада не просто пройти мимо, а обошла за километр. Мастер-класс Гимараэнс-сенсей, справедливости ради, дал немало пищи для размышлений, которую стоило бы как следует переварить на свежую голову, пока в памяти они ещё яркие - но всё перекрыли тяжёлые, липкие эмоции, ещё несколько часов не отпускавшие Судзуки по окончании занятия. Гимараэнс, приятная женщина, сама того не желая заставила пройти подопечную через настоящий ужас. Даже публичная похвала, коей мастер удостоила ученицу, по итогам успешно справившуюся со сложносочинённым заданием, ни на ломаный сэн не скрасила впечатлений после первого, кошмарного этапа у горного озера. На лаврах Хидна долго не почивала - вернее, не почивала вовсе, настолько спеша убраться подальше от озера и невольно унося с собой его частичку в насквозь промокших кроссовках, что даже не склонилась - немыслимо! - перед ни в чём не повинной наставницей. Позже полукровка, разумеется, отчитала себя за неприемлемое поведение и дала твёрдое обещание при случае проявить себя перед Гимараэнс достойно, заодно и за прошлую встречу. Упущенный момент уже, впрочем, не вернёшь.

Как бы то ни было, объявление о новом мастер-классе, втором кряду, младшая Судзуки накануне читала с неподдельным энтузиазмом и воодушевлением. Локацией заявлена хорошо знакомая, гостеприимная тренировочная площадка - там чувствуешь себя не просто даже в своей тарелке, а словно в миске, насквозь пропахшей ароматными шапале. Есть у площадки и ещё одна по-настоящему приятная особенность: располагается она на противоположной от озера оконечности территории монастыря. Силком заставлять открывать купальный сезон там никому не взбредёт в голову хотя бы потому, что попросту негде.

Помимо мастер-класса как такового, на повестке дня очень не в тему маячит досадное затруднение: после минувшего занятия с Гимараэнс у Хидны ещё кроссовки, вымокшие на озере, не высохли. Казалось бы, из смехотворной мелочи не стоило бы лепить катастрофу, да вот только в подготовку вмешивается одно критичное "но": пар обуви в распоряжении младшей Судзуки всего две. Абонент "мокрые кроссовки" сейчас - и так не вовремя! - категорически и бесповоротно вне зоны доступа. Штудирюя в библиотеке массивные талмуды, посвящённые теории покорения стихии пламени, хафу не раз натыкалась на подробные описания техник и манипуляций, позволяющих с известной сноровкой решить данную проблему выверенно разогретым воздухом - но было бы странно ожидать, что Хидна, которая нередко, силясь зажечь огненную лампадку в ладони, вместо желаемого крошечного огонька производит из собственной Манипуры миниатюрные подобия ядерных грибов, рискнёт применить свои толком не огранённые таланты к бесценному подарку Лхамо-доно. Второй доступный вариант - деревянные сандалики-дзори. В самом деле, ну не в них ведь идти на подвижную тренировку, анонсированную незнакомым мастером по фамилии Фуэнтес. Сандалии с перемычкой годятся для повседневного ношения, а для чёрной работы в огороде или оранжерее могут прийтись даже уместнее кроссовок: дзори потом почистить куда проще. А тут разве только лодыжки растянешь, или вовсе переломаешь ноги. Поскольку единственная

однозначно подходящая в моменте обувь обсыхает в тенистых кустах под стеной ученического корпуса и никак не доступна, младшая Судзуки вынужденно принимает волевое решение: идти-то обязательно идём, но идём вброд! В смысле - босиком.

Мелькнувшая в голове самоироничная цитатка-аналогия, которую Судзуки явно где-то слышала прежде, после пресловутого мастер-класса Гимараэнс звучит весьма сомнительно. Хафу аж плечами передёрнула, собираясь на тренировочную площадку.

Памятуя тренировку на двуручных клинках, где сказалось отсутствие разогрева, по дороге к площадке Хидна не филонит и, сверкая голыми пятками на весь монастырь, разминается прямо на ходу. Что бы мастер Фуэнтес для своих слушателей ни подготовил - или подготовила, - рукопашная тренировка полагает быть смелым, ловким и умелым, иначе ни в какие джунгли никогда не позовут. Ни в качестве хищника, ни даже травоядного.

Раскланявшись на месте с сенсеем и заинтересовавшимися тренировкой обитателями монастыря, девушка бегло пересчитала головы и отметила, что к занятию эффектной невысокой женщины, ожидающей свою паству на площадке, вроде бы, народу стеклось побольше, чем собрала Гимараэнс - с чьим мастер-классом, совсем свежим в памяти, напрашивается сравнение. Оно и неудивительно: Хидна заранее знала, что на специализированное мероприятие приглашены все желающие, включая и самых юных обитателей монастыря, и тех, у кого вряд ли мысль даже возникала садануть кому-нибудь по голове в рукопашной схватке. Или возникала, но человек не признается в этом даже себе самому. Словом, торопясь на площадку, с учётом всех вводных полукровка отдавала себе отчёт, что полного контакта не предвидится и занятие предстоит сугубо показательным с почти стопроцентной вероятностью.

Предложенным необычным форматом, отчётливо ориентированным в первую очередь на координацию и реакцию, сенсей Фуэнтес здорово озадачила, даром что Судзуки, в общем-то, и ожидала чего-то отдалённо похожего. Сегодня не придётся ни задорно чистить друг другу рожи, пусть и оттормаживая себя в рамках тренировки, как во время спарринга на федершвертах - что, в общем-то, предсказуемо, - ни заниматься бесконечными повторами избиения воздуха, ни даже терзать многострадальные монастырские макивары. Мастер-класс новой наставницы на поверку представляет собой нечто вроде странного гибрида верхнего брейка с танцем на японском дэнс-автомате, предлагающим тебе строгую последовательность движений в шаолиньском кляре. Для Хидны, прежде не бывавшей на тренировках духа и тела под руководством сведущего мастера, большинство продемонстрированных Фуэнтес-сенсеем стоек - китайская грамота, в лучшем случае мельком попадавшаяся в историческом кино, да и то в *прошлой жизни*, которую полукровка совсем не помнит, вылавливая оттуда лишь смутные ассоциации. Изредка всплывают и прямые параллели, но они всегда - словно из ниоткуда, без сносок-пояснений на полях. *Это так, потому что это так.* Как объяснить восходы и заходы солнца, если не вдаваться в физику небесных тел? Вот и здесь то же самое. Пока наставница наглядно подаёт зрителям сегодняшний предмет отработки, сдабривая его подробными объяснениями, развесившая уши Хидна через слово кивает, словно дрессированный тюлень, и наспех откладывает в голове позиции то так, то сяк, готовясь к повторению всех этих удовольствий на практике.

Когда Фуэнтес начала практическую часть, без подсказок состоящую из одних числительных, Судзуки с горем пополам оттарабанила положенную цепочку, не стесняясь поглядывать по сторонам и уточнять на примере других учеников, верна ли последовательность. Стойка всадника Хидне хорошо знакома - смутить внимательную ученицу счётом "десять" у мастера, как позже выяснится, не вышло. Ну, два номера в одну стойку, всего-то. Проблемы начались с промежуточными, сразу со второй и вплоть до девятой - все они не знакомы девушке совершенно. И ладно бы они просто были новыми упражнениями! Заставлять очень ярко выраженную левшу, совершенно "одноногую" и "однорукую", тяготеющую к правосторонним стойкам, повторять одно и то же зеркально симметрично - форменное издевательство. Амбидекстрия в любом варианте, хоть амбирукстрия, хоть амбиногстрия - не про Судзуки и настолько же далека от неё, как все эти шаолиньские причуды, к которым хафу приходится торопливо адаптироваться. И всё равно постоянно тянет скособочиться наоборот, мимо нужного счёта. Поэтому, по ходу дополнительной демонстрации, очень вовремя затеянной Фуэнтес, Хидна выдумывает средненькой паршивости мнемоническую технику, чтобы в дальнейшем подпирать себя, если задание продолжится в том же ключе. Комментарии Фуэнтес к "стандартным" номерным стойкам полукровка зачитывает про себя по-японски, а более удобные инвертированные, соответственно, оставляет в исходном варианте сенсей, чем кратно облегчает себе задачу: помимо идентичных единицы и десятки остаётся запомнить всего лишь четыре позиции, и, главное, появляется триггер, по звонку которого стойку следует зеркалить. Чётные у наставницы всегда связаны с опорой на правую ногу. Теперь остаётся всего лишь не запутаться в собственном изобретении, что на первый взгляд выглядит не такой уж сложной задачей.

На этапе самостоятельной работы с ориентиром на случайный счёт двуязычная система полностью оправдала себя. "Шесть!" - отсчитывает Фуэнтес; в голове Хидны срабатывает реле, счёт автоматически конвертируется в "*Року!*", и девушка без колебаний назначает правую ногу опорной, а левой изображает шаг. "Три!" - триггер-будильник молчит, и Хидна группируется в в позу лучника, нанося воздух удар левой рукой. Будучи уверенной, что в ускоряющейся суматохе не шмякнется задницей на плотно утопанную землю тренировочной площадки, на протяжении почти всего подхода девушка не только ни разу не облажалась с номерами, но и верно отработала ориентацию стоек на нужные стороны. Ближе к концу подхода, когда Фуэнтес-сенсей затараторила совсем уж скорым поездом, Хидна постепенно отстала от предложенного ритма - но, по команде наставницы взяв тайм-аут и переводя дух, готова простить себя за оплошность. Фуэнтес была слишком быстра. Анализировать же в собственных достижениях толком и нечего: без того очевидно, что тело справляется, мозги более-менее тоже, но барьерами на пути встают нехватка опыта, привычки и, возможно, некоторой подготовки конкретно под такого рода скоростные манёвры. За это младшая Судзуки тоже себя не винит. Если заниматься регулярно - всё обязательно придёт. Не впервой: всего пару лет назад, заново знакомясь в монастыре с собственным телом и пределами его возможностей, на этой же площадке Хидна нередко сталкивалась с нештатными ситуациями и терпела бедствие, живописно шмякаясь с турника на землю. Но ведь нелепые конфузы давно забыты, словно их и не было вовсе. На сегодняшний день хафу уже ничем не отличается физически от той Судзуки Сан, что якобы погибла в Сидзуоке, и управляет своим телом ничуть не хуже девятнадцатилетней японки-гимнастки из прошлого, коей сама и является. Разве лишь стала немного старше.

От дерзкой идеи повторить упражнение, добровольно лишив себя зрения повязкой на глаза, коими Фуэнтес обеспечила всех желающих, Хидна, конечно же, не отказывается - только задерживает пристальный взгляд на молодой светловолосой девушке в удивлении, что та предпочла сойти с дистанции. Это Констанция-то, *Самая Главная Затейница*, так бойко заведовавшая подпольной вечеринкой в чайном домике? Европейка запомнилась готовой к новому, такой самоуверенной... Если кому и выбыть, полукровка бы, скорее, поставила на подзапыхавшегося Яна, с которым познакомилась за напитками на той же вечеринке. И всё же он, пошушукавшись с приятелем, повязку-таки берёт, а Констанция остаётся не у дел. Вот уж неожиданно.

Самое неожиданное ягодки поверх цветочков, однако, ждут младшую Судзуки впереди.

Жалкая ленточка не просто отключила зрение, погрузив мир во тьму среди бела дня - она сотворила нечто поразительное. От долгожданной возможности протянуть хозяйке ниточку связи, *по-настоящему* прикоснувшись к ней теплом своих энергий, молодую и слабую Муладхару - но всё же ведущую, родную, - отделяла, как оказалось, всего лишь спонтанная синергия двух простых вещей: босых ног и повязки на глазах. Жёлтая, наглая Манипура пока помалкивает, в панике свернувшись ежом на занятии перед озером. Только команда *"...начинаем!"* голосом Фуэнес заставила полукровку, до того застывшую в одном положении, словно болван-Моаи с острова Пасхи, вернуться в реальность и обратиться в слух, трансформирующий *"один, шесть, четыре, три..."* в *"один, року, йон, три..."* и побуждающий начать двигаться, вслепую чередуя стойки. Настолько странное это ощущение, новое, словно неземное - *чувствовать* людей вокруг. Не только на слух, *совсем* не на слух - на истоптанной площадке звуки поступи тренирующихся, занятых своеобразным синхронным танцем под команды Фуэнтес, почти неразличимы. Необычные ноты восприятия своей новизной не тревожат - скорее, напротив, окутывают разум уютной дымкой спокойствия и, словно бы придав сил, подсказывают не ошибиться, когда голос мастера Фуэнтес коварно велит переключиться из стойки лучника на очередной номер "восемь" и вытянуться, балансируя на правой ноге. К ним очень быстро привыкаешь и перестаёшь замечать, пока не сконцентрируешься сознательно - как привыкаешь к тиканью часов на стене, барабанному стуку июньского ливня по крыше или звукам авиационных двигателей, если твоё жильё, школа или место работы расположено неподалёку от глассады аэропорта. Но когда из монотонного, убаюкивающего белого шума отчётливо выбивается *сигнал* неуместный, резкий, посторонний - поневоле теряешь концентрацию и настораживаешься.

Сшибленная с ритма, Хидна спотыкается о собственную ногу и едва не падает, резко повернув голову в повязке на дошёсшийся вдруг... шум? звук? Как назвать то, что улавливаешь средоточием Муладхары сквозь стопы? С того же направления следом приходит настоящий удар, ещё более выраженный, встряхивающий крохотным землетрясением красную энергию младшей Судзуки куда отчётливее - и она коротко вздрагивает с непривычки, потянувшись рукой к повязке. Это не может быть плодом воображения. Фуэнтес-сенсей уже завершает быстрый счёт, объявляя финиш; в свою очередь, взгляд Судзуки, сощурившейся и смаргивающей бросившийся в глаза яркий свет, финальной остановкой натывается на смуглокожую красавицу-Ломэхонгву, почему-то оказавшуюся на земле. Совсем рядом, там, откуда

ударило - условной линией взгляда из-под плотной ленты на глазах, обернувшись, промазала едва на градус-другой. Ноги тянут шагнуть к индианке, подать руку, помочь встать - но младшая Судзуки медлит, торчит на месте мебелью и смотрит на черноокую девушку совсем не тем взглядом, каким бестактно пялилась недавно на тренировке Кортес-сэмпай. Сдвинутая на лоб повязка словно бы перевернула песочные часы: воздействие Муладхары, привнёсшее новые краски восприятия, отступило перед вернувшимся зрением и, оказавшись в верхней колбе, мелким песком утекло без следа.

Александра Фуэнтес

Учеников на мастер-класс пришло неожиданно много, больше, чем Сандра рассчитывала - она ждала стандартную посещаемость в четыре, максимум пять человек, но этот план оказался перевыполнен с лихвой. В принципе, уже на этом этапе можно было ставить себе плюстик и идти отчитываться, как она успешно привлекла внимание учеников и стимулировала их работать. Но, конечно, было бы еще лучше, если бы все действительно как следует поработали, без халтуры.

Ну, предъявить за халтуру было некому и нечего. Всего одна ученица отказалась от последнего упражнения, но Сандра сама разрешила не заходить на него при неуверенности, так что все было в порядке. Остальные честно потели от начала до конца: кто-то отставал, кто-то даже сбивался и падал, но упрекнуть кого-то в недоработках повода не было, все старались и работали по мере сил и способностей. Поэтому в финале Сандра только и могла, что всех похвалить, подбодрить тех, у кого что-то не вышло, и поблагодарить всех за работу.

Ну и к лучшему, на самом деле, что прошло без проблем. Ругаться у Сандры настроения сейчас совсем не было, ей хотелось гладенько довести занятие и так же гладенько о нем отчитаться, без экстрима. Напороться где-нибудь на экстрим она еще всегда успеет.
